

К вопросу о методологии научного исследования

Л.Л. Геращенко

кандидат искусствоведения
доктор философских наук

УДК 378(075.6)

АННОТАЦИЯ

Требования к подготовке и оформлению диссертаций меняются каждый год, в зависимости от внутренней реорганизации Всероссийской Аттестационной комиссии. Неизменным остается одно: организация ума, структуры и логики диссертации, а также некоторые психологические навыки самого соискателя. Статья знакомит с нелегкой «лествицей» соискательства, что способствует продуктивному осознанию этого тернистого пути.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

соискатель, диссертация, научное исследование, научный опыт

“Если вам не подойдут мои очки, берите другие...”
М. Пруст

Мишель Фуко в книге «Интеллектуалы и власть» писал о том, что теория – это нечто вроде ящика с инструментами: «Она не имеет ничего общего с означающим. Теорию не меняют, а делают из нее другие теории, и с ее помощью получают другие, те, что хотят сделать. Необычайно ясно это выразил автор, считавшийся чистым интеллектуалом, Пруст. Он говорил: «Пользуйтесь моей книгой как очками, направленными на внешний мир, и если они вам не подойдут, то берите другие, сами найдите себе инструмент, который неизбежно станет инструментом вашего познания. Теория – это то, что множится, и то, что множит»¹.

Пособий по написанию диссертационных работ немного, некоторые из рекомендаций, методики подготовки и оформления диссертаций остаются неизменными, другие меняются ежегодно, в зависимости от внутренней реорганизации Всероссийской Аттестационной комиссии, а также с каждым годом все более адаптируемых к мировой науке мнений ее членов. Все эти пособия характеризует крайне серьезное отношение к выбору нелегкой «лествицы» соискательства, знакомство с которой на страницах пособий приводит к подробному осознанию этого тернистого пути.

Размышляя над тем, стоит ли идти по этому сложному и не

¹Мишель Фуко «Интеллектуалы и власть». – М., 2002. С. 70.

всегда благодарному пути, примите к сведению мнение Ж. Батая, который рассматривал научный опыт как жертву, но и одновременно как противоядие от времени: «Весь ужас времени, который давит, рвет в клочья, изводит, в том, что оно воплощает собою саму непостижимость, которая и проглядывает во всякой веренице мгновений, как проглядывает и в нашем существовании, если мы не бежим от него, паря в мнимостях знания»².

² Батай Ж.
Внутренний опыт. –
СПб., Аксиома,
Мифрил, 1997.
С. 255 - 256.

Условность любого научного знания и сомнительность в значимости приобретаемого академического статуса компенсируется второй стороной медали: расширением собственного культурного диапазона, упорядочиванием ума, обогащением картины мира соискателя и ни с чем не сравнимым внутренним интеллектуальным и духовным багажом, который приобретается в результате работы над диссертацией. Однако соискателю стоит принять к сведению, что у этой медали есть и третья сторона – внутренние и внешние личностные затраты, камень преткновения, о который спотыкаются многие соискатели, впоследствии обесценивая желаемый некогда результат.

Когда я еще только собиралась стать доктором философских наук, мой будущий научный консультант показал мне визитку, где значилось: доктор философских наук... Фамилию опустим. А во время одной из защит того времени соискатель так разволновался, что 10 минут не мог вспомнить собственного отчества, коллеги помогли, напомнили... Ж. Бодрийяр писал об эклектичности любого научного исследования и самоиронии как ведущем способе научного самопознания. В данной связи остановимся на некоторых, сопутствующих успеху методах научного продвижения, вне контекста которых последнее способно привести к фрустрациям и стрессам с последующими деформациями личности.

Реакция окружающего мира на защиту диссертации – предмет отдельного философского и психологического исследования, освещение которого находится далеко за рамками обозначенной нами темы. Главный вопрос: «Как вам это удалось?!» довольно часто сопровождается контекстом «Сколько вы за это заплатили?» История хранит такой курьез: во времена Анны Ахматовой в научном мире разгорелся скандал. Известной поэтессе ее современником, желавшим получить научный статус, была заказана диссертация в области русской литературы, и Анна Ахматова ее написала. Деньги получила и – истратила... Текст диссертации не сохранился, поэтому сказать, справедливо ли требовал соискатель от Ахматовой возвращения денег за якобы некачественную работу, трудно. Угрозы облить ее свет-

лое имя позором не возымели результата: денег уже просто не было. Однако результат превзошел ожидания заказчика: он вошел в историю именно в качестве заказчика диссертации выдающейся русской поэтессе.

Азбучные истины

Итак, вернемся к неизбежному и закономерному вопросу: «Сколько стоит защита?» Неизбежны следующие траты, ожидающие будущего ученого: статьи

в ВАКовских изданиях (для кандидатских желательно 1-2, для докторских – 7-8), монографии (для докторской 2 и более), организация и проведение научных конференций. Участие в научных конференциях столь же необходимо, как и научные статьи. В настоящее время ВАК вроде бы рассматривает проект об увеличении количества статей для защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, а также о принятии к защите только тех диссертаций, по которым выпущены монографии лишь в определенных ВАКом издательствах. Во всяком случае, в научных кругах такое бурно обсуждается.

Тем не менее, претендентам следует знать, что любое категорически высказанное научное мнение является фактором уязвимости работы, предлагаемой к защите. Утверждения должны быть научно аргументированы, обрамлены цитатами и, по возможности, практически апробированы. Однако уверенность автора в их «доподлинной и единственной истинности» нарушает научный этикет, с позиций которого умение доказать свое научное открытие – такое же свидетельство о глубине ума соискателя, как и умение принять столь же научно аргументированное, однако противоположное мнение.

Самоирония о собственной научной состоятельности – прекрасный защитный механизм, помогающий мышлению «безпятиминутдоктора» получить желаемый результат. Как писали Жиль Делез и Феликс Гваттари, главный вопрос науки – найти ту единственную точку, где соотносятся между собой концепт и творчество. По их мнению, услышав фразу, «давайте подискутируем», настоящий ученый убегает со всех ног: «Самое малое, что можно сказать о дискуссиях, что они не продвигают дело вперед, так как собеседники никогда не говорят об одном и том же. Какое науке дело до того, что некто имеет какие-то взгляды, думает так, а не иначе, коль скоро остаются невысказанными замешанные в этом споре проблемы? А когда эти проблемы

³ Жиль Делез, Феликс Гваттари «Что такое философия». – М., Санкт-Петербург, 1998. – С. 41

высказаны, то тут уж надо не спорить, а создавать для назначенной себе проблемы бесспорные концепты. Коммуникация всегда наступает слишком рано или слишком поздно, и беседа всегда является лишней по отношению к творчеству»³.

Данную цитату не рекомендуется использовать в качестве аргумента собственного неучастия в обсуждении диссертации на соискание той или иной ученой степени. Однако ее стоит принять к сведению и помнить о ней, когда возникает искушение кого-либо категорически опровергнуть. Согласно мнению Гваттари, критиковать – не значит опровергать, но констатировать, что старый концепт, погруженный в новую среду, исчезает, теряет свои составляющие или же приобретаются другие, которые его составляют. По его мнению, наука представляет собой три элемента, взаимно соответствующие друг другу, но рассматриваемые каждый отдельно: «Преднаучный план (имманенция), пронаучный персонаж или персонажи, которых она должна изобретать и вызывать к жизни (инсистенция), и научные концепты, которые она должна творить (консистенция). Начертание, изобретение, творение – такова подлинная научная триада»⁴.

⁴ Жиль Делез, Феликс Гваттари «Что такое философия». – М., Санкт-Петербург, 1998. – С. 100.

Научные казусы

Серьезный научный подход нередко способен уложить в свое прокрустово ложе любую научную концепцию. Главное – соответствие этой концепции организационным и формальным требованиям оформления диссертации. Кстати, в процессе превращения бредовой идеи в докторскую, возможно действительно серьезное научное открытие. В качестве примера приводится фрагмент «до-докторской» и «после-докторской» работы, результат которой вполне аргументирован и научен.

Как всегда фамилию автора опустим... Оставим авторский «научный» текст: *«XX век укатился от нас под знаком культурного мифа – притчи о идиоте, порвавшем связи с чем-то на-*

столько важным, что на него свалились все казни дантовских лимбов и еще кое-что сверх программы, описанной великим тосканцем. Решительно все, кто осчастливил нас соображениями на эту знойную тему, так и не смогли сойтись в одном кардинальном вопросе. А именно: с чем или кем все-таки человечество порвало некие связи, и когда, наконец, приключилось это леденящее душу дело? Причем если по поводу первого в мозгах гуляет огромное количество довольно шизофренических ответов, то со вторым, полная лажа, и

кроме бляенья о поддержке экологического баланса, ничего понять невозможно.

Что, впрочем, отнюдь не мешало повсеместному укоренению общей идеи. За сотню лет под знаменем этой победительной веры отметился уже и самый ленивый. Нацисты и лингвисты, структуралисты и террористы, коммунисты и гомосексуалисты etc. То бишь публика, большая часть которой не токмо с другими, сама с собой ни о чем договориться не может. И подлинно удивляет здесь неупомянутый раздрай мнений, но то, что голоса проповедников разных конфессий нет-нет да и начинают звучать унисоном. А сквозь милое разнообразие рецептов по поводу того, кому надо пустить кровь или с чем разобраться для достижения абсолютного счастья, прослеживается вдруг трогательное единство в восприятии самого существа вопроса.

Оно коренится в осознании подлой, незаслуженной обделенности себя любимого чем-то большим, святым и прекрасным. Оттого-то и осеняется чело очередного пророка высокой грустью, только дойдет он до этой темы. Оттого-то и начинают дико сверкать глаза его паствы. Это переживание весьма интимно и уж точно несовместимо с отстраненным академизмом. С ним хорошо кропать политические памфлеты, призывать к революциям, пронзать и сбрасывать с башен.

Прискорбным итогом состояний подобного рода является уверенность, что оные горизонты (если бы их у нас гнусно не сперли) просто приложились бы к мобильной связи, теплым ва-терклозетам, зубной пасте и прочим маленьким радостям, отказываться от которых не планируют даже самые ярые противники современной культуры. Идиотично непротиворечивая система мысли, в которой Грааль и холодильник, Тюрфинг и баллистическая ракета, Великий Лабиринт Крита и Empire State Building не только не исключают друг друга, но вполне могут дополнить. А реальность магичную легко можно скрестить с

прагматичной. В общем – «хочу новые кроссовки, саблю, барабан, щенка бульдога и до кучи – стать сверхчеловеком!».

После перевода этого «пред-научного» текста на язык диссертации получилось следующее: «Социокультурные процессы в России находятся на ответственном этапе формирования и преобразования, их деформация во многом обусловлена особенностями политического и социально-экономического развития. Поэтому научные исследования в ряде культуро-

логических областей, безусловно, способствуют позитивизации социума и культуры. Одним из определяющих факторов успешности и благополучности данного развития является исследование ритуала и лабиринта как архаической традиции, но применительно к системе координат современных социокультурных процессов.

Ритуал и лабиринт как многосторонние социокультурные процессы взаимодействуют с другими явлениями социума и культуры, что предполагает необходимость их анализа не только на абстрактном уровне, с целью дополнения совокупности теоретических знаний в области культурологии в широком контексте некоторых понятий, имеющих к ним непосредственное отношение. Мы рассматриваем лабиринт и ритуал также в контексте определенных технологических приемов, использование которых в культуре способствует созданию единой картины мира, соответствующей современному уровню развития науки, культуры и исторического опыта.

Философский и культурологический анализ понятий ритуала и лабиринта включен сегодня в контекст как западных, так и отечественных исследований. Мы подчеркиваем, что именно в контексте современной философии культуры может быть проведен анализ данных понятий, которые имеют современную тенденцию употребляться как термины некоей универсальной целостности архаической культуры. Актуализирующиеся проблемы в развитии экономики, кризисе культурных ценностей и отсутствии четких моральных критериев решения ситуации межкультурного конфликта обуславливают растущий интерес общества и государства именно к данным, незаслуженно забытым, понятиям, которые могли бы способствовать стабилизации культуры российского государства».

Три уровня симулякров

Осознание специфики современного научного пространства неизбежно ведет к восприятию любой научной концепции как симулякра. Как известно, со времен эпохи Возрождения последовательно сменились три порядка симулякров. К первому из них можно отнести лепного ангела: подделка составляет господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции. Ко второму логично отнести появление робота и автомата, их время – время промышленной эпохи. На следующем этапе неизбежно появляется симуля-

ция, которая составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом.

Согласно мнению Ж. Бодрийара, симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности⁵.

⁴ Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2001. С. 24.

Основные симулякры, в какой бы сфере они ни создавались, переходят из мира природных законов в мир сил и силовых напряжений, а сегодня – в мир структур и бинарных оппозиций. После метафизики сущего и видимого, после метафизики энергии и детерминизма наступает метафизика недетерминированности и кода. В результате неизбежного истребления референций, целевых и нравственных установок, утраты подобий

и десигнаций обнаруживается бинарный знак программирования, располагающийся на пересечении других сигналов и по своей структуре соответствующий микромолекулярному коду запроса и контроля.

Безусловно, данные процессы, свойственные, в том числе, и мировой научной мысли, определяют и современное отношение к научному знанию. На этом уровне вопрос об их значении, об их теоретическом и практическом предназначении, о том, что в них есть реального и воображаемого, что они вытесняют и скрадывают, какую иллюзию образуют, о чем умалчивают и какие побочные значения содержат, – данные вопросы становятся неактуальными. Согласно структурному закону ценности, сложные и богатые иллюзиями знаки первого порядка становятся знаками тусклыми, промышленно-повторяемыми, лишенными отзвуков, операторно-действенными. Более радикальную перемену несут с собой сигналы кода, нечитаемые, не допускающие никакой интерпретации, погребенные в виде бесконечных программных матриц бесконечно глубоко в «биологическом» теле, так называемые черные ящики, в которых созревают все социокультурные команды и все соответствующие им ответы.

По мнению представителей философии постмодернизма, время современного научного знания – отсутствие пространства знаков, их конфликтов и их безмолвия, допускающее лишь черный ящик кода, некая универсальная молекула, посылающая сигналы, которые способны дать ответ на любой вопрос программы. С этим можно соглашаться или не соглашаться, однако стоит принять во внимание данную концепцию, обуславли-

вающую специфику ряда современных научных работ. Таковы симулякры третьего порядка, типичные для современного научного мышления, их необязательно реализовывать в собственной научной работе, однако ознакомление с ними весьма продуктивно для ума соискателя.

Наибольшее затруднение в плане научной работы обычно испытывают те, кто воспитан в советской традиции. Говорю это с большим уважением к ряду существовавших в ней позиций и ни в коем случае не оценивая как ее недостатки, так и достоинства, замечу, что традиция советского научного мышления – просто другая. В качестве разъясняющего примера приведем следующую параллель: если ранее существовали особые категории аллегорических, метафорических образов, где бы они ни были реализованы, – в науке или в произведении искусства, в них был свой характерный стиль и мастерство. Условно они тоже могли быть названы симулякрами, однако открытие и удовольствие их восприятия состояло, скорее, в том, чтобы в искусственно созданном обнаружить нечто «естественное», соприкоснуться с ним и пережить его.

Современная реальность создает иную ситуацию: реальное и воображаемое слились в некое операциональное целое; реальность эстетична уже не в силу обдуманного замысла и художественной дистанции, а в силу ее возведения на вторую ступень – опережающей имманентности кода. Удовольствие от прочтения подобных творческих или научных произведений иное: наслаждение правилами игры и разгадывание их, своего рода тревелинг знаков, массмедиа, моды и моделей, беспроглядно-блестящей атмосферы симулякров.

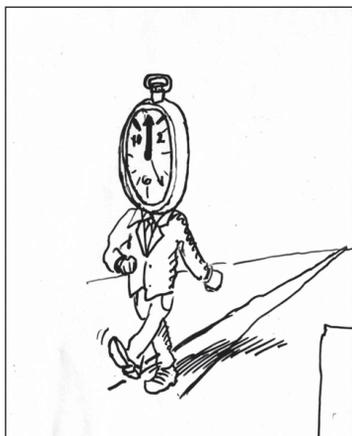
В этом смысле любому современному произведению свойственно дублировать само себя, манипулируя знаками художественности, говоря языком Леви-Строса, это сверхзначение науки, «академизм означающего», фактически подводящий все к состоянию формы-знака. Именно в таком случае наука вступает в процесс бесконечного самовоспроизводства: тем самым она выражает чистую форму производства, приобретает смысл целесообразности без цели⁶.

Понимание данных особенностей современного научного знания неизбежно сопровождается осознанием иного смысла научной работы, далекого от иллюзорных представлений о важности открытий, вносимых соискателем. Поэтому, прежде написания собственной диссертации, желательно ознакомиться с лучшими работами представителей философии постмодернизма – Ж. Бодрийера, Ж. Лакана, Ж. Делеза, Ф. Гваттари и др. Период некоторой ментальной растерянности после знакомства с

⁶ Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: 1985.

их работами впоследствии компенсируется научной плодотворностью и иным, более адекватным, отношением к собственному научному тексту.

Постмодернизм – своего рода гимнастика для ума соискателя, которая помогает ему понять важную для успешной защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук мысль: истина одна только в духовной жизни, в научной жизни их может быть несколько. «Истины» в научной жизни способны видоизменяться, порой приобретая вид своей изначальной противоположности: то, что кажется неизблемым в науке сегодня (и в диссертации соискателя, в том числе), завтра уже может быть научно опровергнуто.

В этом смысле соискателю необходимо уметь преодолевать время. В период современной научной эпохи попытку преодолеть время как фактор становления, нарушающий устойчивость каких-либо научных качеств и атрибутов, предпринял структурализм. Его лозунгом была спациональность, перевод временных категорий в пространственные, будь они пространственными исследовательскими конструктами или же лишенными временной необратимости. Напомню, что именно к структурализму отсылает понятие «код», которым регулируется, по Бодрийяру, новейшая форма симуляции. Код, согласно мнению французских постмодерни-

стов, главная категория структурной лингвистики и семиотики, позволяющая упорядочить и редуцировать, свести к квазипространственным формам научное становление. Отметим в данной связи, что первые работы Бодрийяра, особенно «Система вещей», создавались в момент высшего подъема французского структурализма и своим новым для современности системным подходом вписывались в его методологию.

Однако, по некоторым позициям расходясь со структуралистской методологией, Бодрийяр продолжает опираться на фундаментальные интуиции, из которых исходил структурализм. Его идея «последствия», призрачного существования любого научного знания как основы симуляции, по-видимому, восходит к «Мифологиям» Ролана Барта, к последней главе этой книги, где теоретически характеризуется феномен конномации как производства «мифических» значений⁷.

Согласно мнению представителей философии постмодернизма, в каждом мыслительном знаке имеются две инстанции: означающее и означаемое, однако означающее первичного, дено-

⁷ Dhaen T. Postmodernism in American fiction and art. – Amsterdam, 1988. – P. 180.

тативного знака находится в двойственном положении. С одной стороны, оно представляет собой «смысл» этого первичного знака, а с другой – образует «форму», означающее вторично-коннотативного знака: «Форма не уничтожает смысл, а лишь обедняет, дистанцирует, держит в своей власти. Смысл вот-вот умрет, но его смерть отсрочена: обесцениваясь, смысл сохраняет жизнь, которой питается форма мифа. Для формы смысл – это как бы подручный запас истории, он богат и покорен, его можно то приближать, то удалять, стремительно чередуя одно и другое; форма постоянно нуждается в том, чтобы вновь пустить корни в смысл и напитаться его природностью; а главное, она нуждается в нем как в укрытии»⁸.

Деррида, в частности, утверждает, что «отсроченная смерть» первичного смысла уподобляется вампирическому паразитированию «мифа» на теле первичного языка: миф – язык, не желающий умирать; питаюсь чужими смыслами, он благодаря им незаметно продлевает свою ущербную жизнь, искусственно отсрочивает их смерть, и сам удобно вселяется в эту отсрочку; он превращает смыслы в говорящие трупы⁹.

Продолжая логику данных размышлений, отмечу, что два-три десятилетия назад диалектика была способом мышления и способом бытия и становления вещей на стадии симулякров первого и второго порядка, еще сохранявших связь с вещами и их идентичностью. На нынешней, третьей стадии, эта логика идентичности и подобия, говоря языком постмодернистов, репрезентации сменяется логикой отличия и означивания, иными словами, коннотации. Данный момент крайне важен для осознания соискателем – можно не быть сторонником данной методологии мышления, но владеть ею современному ученому для утверждения его научного статуса необходимо.

Отмечу также, что суть коннотации может быть охарактеризована как некая процедура, в ходе которой первичный знак интегрируется вторичным. Между первичным, «естественным», и вторичным, «мифическим», значением нет никакого родства, второе не возникает конфликтным образом из первого, а лишь механически следует за ним. Переводя данное высказывание на виталистские параллели, сравним взаимоотношения двух знаков с паразитизмом или вампиризмом.

Таковы две принципиально отличные модели знаковых образований, смена которых ознаменовала собой границу XIX и XX столетий в европейской науке. Последние три десятилетия научного познания диалектику обычно рассматривают как средство социальной или культурной критики. В данном контексте может быть воспринята и бартовская модель коннотации, кото-

⁸ Deleuze C., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie: L'Anti-Oedipe. – P., 1992. – P. 280.

⁹ Derrida J. Psyche: Invention de l'autre. – P., 1990. – P. 180.

¹⁰ Baudrillard Jean.
La gauche divine. –
Grasset, 1985. – P. 21.

¹¹ Farber M. L.
Imprisonment as
a psychological
situation. –
Unpublished Ph. D.
Thesis, State Univ. –
Iowa, 1940. – P. 376

рая открывает перспективу преодоления знака, – как в направлении его логической критики, с помощью метаязыка, так и в направлении его творческого «переигрывания», включения в новую коннотативную схему¹⁰.

Подытоживая второе правило, отмечу, что в научное умение преодолевать время входит не только способность грамотно осознавать и воспринимать современную научную мысль, но и уметь возвращаться к особенностям научного мышления – «назад», в тот контекст, рамки которого необходимы для восприятия

анализируемого соискателем того или иного исторического фрагмента научного знания. Современному соискателю необходимо также отношение к защите диссертации как к своего рода игре, однако, не в обыденном, но в типичном ее понимании для современного научного контекста. Остановлюсь на последнем подробнее. В игре надстраивающихся друг над другом подобию, будь это «гиперреальность» или «трансполитика», господствующий строй симулякров в конечном счете всегда опережает своих критиков, и сколько бы они ни пытались переиграть и низвергнуть его, их «революция "отстает на одну войну" от способа репрессии», иными словами, при подобных попытках борьбы с симулякрами третьего порядка фактически воспроизводится, с запозданием на одну фазу, типичная темпоральность симулякров второго порядка¹¹.

В данной связи необходимо отметить способность ложных подобию, во-первых, образовывать единую связную систему, а во-вторых, стремительно развиваться в режиме потенциализации, недialeктического самопреодоления, позволяющего им интегрировать, «перехватывать» любые оппозиционные, в том числе и симуляционные, проекты, а также те или иные семиотические коды.

Предлагаемая логика симуляции делает неприменимой еще одну темпоральную схему, связанную с диалектической логикой, эсхатологию. Деррида понимает сущностную необходимость апокалиптических мечтаний для человеческого сознания следующим образом: в то время как официальная церковь «живет отложенной вечностью», в народных верованиях всегда присутствует противоположное устремление: «Первоначально толпы христиан не верили в посмертный рай или ад; по их воззрениям предполагалось разрешить смерть коллективной волей к вечности. Однако преодоление времени и истории, зафиксированное в ментальных ожиданиях, деформируется системой

¹² Derrida J. *Psyche: Invention de l'autre*. – P., 1990. – P. 180

симулякров на их собственный лад: «симулякры берут верх над историей», «ликвидируют пас вместе с историей», подменяют настоящее историческое развитие «иллюзией конца»¹².

Игры интеллектуалов

Итак, состояние современного научного знания – суть некое постапокалиптическое состояние, когда «приходит конец» историческим институтам, привычным человечеству по стадии «политической экономии», производству, политическому представительству, диалектике, которые не разрушаются насильственно, но незаметно заменяются подобиями, обозначающими их «в натуральную величину» и «в реальном времени». Порядок симулякров одерживает полную победу над реальным миром, поскольку он сумел навязать этому миру свои модели темпоральности.

Спешу успокоить тех, кто, пытаясь разобраться в постмодернистской терминологии игры и симулякра, пришел к мысли о бесперспективности собственного научного исследования: постмодерн и основные предлагаемые им концепции – это тонкая игра интеллектуалов, его концепции подрыва и разрушения – не что иное, как розыгрыш высокообразованных гуманитариев. Однако розыгрыш, весьма продуктивно сказывающийся на научном мышлении, поскольку сам по себе предполагает готовность ума к неожиданным научным построениям и непривычным логическим аргументациям.

Для предстоящей беседы с официальными оппонентами данная методика оказывается также весьма полезной. Отмечу при этом, что подчеркнутый авторский, интеллектуальный характер постмодернистской реставрации любого научного знания предполагает своеобразное сочетание научной эрудиции с творческой свободой. Привнесенные постмодерном пародийное обыгрывание и ироничная отстраненность, таким образом, превращают современную научную мысль в глубоко рефлексированный, продуктивный процесс.

Применительно к написанию диссертаций будет уместной следующая цитата Роже Кайльеса: «Создаваемая игрой обязанность – того же рода, что при вызове. Выход из игры уже не является игрой, и эта невозможность отрицать игру изнутри, составляющая все ее очарование и отличие от порядка реальности, вместе с тем и образует символический пакт, правило, которое следует непреложно соблюдать, и обязанность в игре, как и при вызове, идти до конца»¹³.

¹³ Roger Caillois, *Les jeux et les hommes*, Gallimard, 1967.

Роже Кайльес предложил классифицировать все многообразие человеческих игр на четыре разряда: состязательные игры, случайностные, «азартные», подражательные и экзотические. Ж. Бодрийар сопоставляет научную работу с первым типом игры, состязанием, чреватым противоборством, схожим с дуэлью. В то же время эта игра способна доходить до крайних пределов, до экстаза, оборачиваясь катастрофическим «истреблением» законов и установок социальной инстанции, самозабвенным головокружением от неостановимого и разрушительного обмена.

Предостережь от данного процесса способна предлагаемая симулякрами другая игра – мимикрическая, подменяющая реальность условными подобиями. Таким образом, исключительно частые в тексте «Символического обмена...» и несравненно более редкие в исследованиях постмодернистов слова и выражения с «игровой» семантикой: «разыгрывать», «отыгрывать», «играть роль», «правила игры», «ставить на карту» – выражение одной из граней интуиции, которой следуют авторы в своих идейных построениях. В высшей своей форме игра воплощает в себе всю конфликтность отношений между человеком и властью: истеблишмент навязывает индивиду симулятивно-безответственную игру в Деда Мороза, в которого можно верить «понарошку»¹⁴.

¹⁴ Jean Baudrillard, *De la séduction*, Galilée, 1979, – P. 181.

Интересно, что в начале 1980-х годов был проанализирован как образец агонистического обмена научный аукцион, причем в качестве состязательной азартной игры, в которой катастрофически отменяются обычные категории «потребительской стоимости»: игрокам безразличны собственно научное достоинство научного произведения и «меновая стоимость». Однако имеет место своего рода аристократическая забава наших дней – соревнование в разрушительно-щедрых «тратах», аналог первобытного потлача. Существенно, что важнейшим атрибутом этого ритуального научного действия ученый называет слов-

¹⁵ Jean Baudrillard, *De la séduction*, Galilée, 1979, – P. 181.

но восходящее к правилам классической трагедии единство места и времени – личностный характер обмена предполагает единственность его места, а главное, конкретную уникальность процесса: важнейшим составным элементом аукциона является время, порядок следования, ритм, темп¹⁵.

Необходимость циклического возвращения также следует принять к сведению будущему соискателю, что означает не только определенное построение диссертации с циклическим возвращением к главным тезисам работы, но и восприятие научного творчества в данном контексте. Известно, что циклическое время способно иметь различный смысл. В мифологическом «вечном возвращении» оно выражает собой закономерность хода вещей, соединяющей цикличность природы с циклической завершенностью человеческой жизни. В позитивистском толковании оно обусловлено слепой статистической вероятностью: вещи повторяются наподобие комбинаций игральных костей, просто в силу того, что их число ограничено. Однако в современной цивилизации оно запрограммировано в структуре информационных систем, работающих по схеме «вопрос-ответ». Постмодернистская праздничная цикличность относится к первому из этих типов; однако в современном обществе ведущей моделью цикличности является цикл моды: «В современную эпоху, по-видимому, одновременно утверждается и линейное время технического прогресса, производства и истории и циклическое время моды»¹⁶.

Подытоживая статью воспоминанием о знаменитой цитате М. Пруста, желаю вам, дорогие соискатели ученых степеней кандидатов и докторов наук, удачно подобрать себе модные очки, которые неизбежно станут продуктивным инструментом вашего научного познания.

Рисунки Филиппа Ярина

¹⁶ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2002. С. 171.